

О.И. Грабарь

ХРАНИТЕЛЬ ТАЙН



Ольга Игоревна Грабарь

Хранитель тайн

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23720729

Хранитель тайн: КМК; Москва; 2013

ISBN 978-5-87317-910-7

Аннотация

Книга написана Ольгой Игоревной Грабарь (дочкой знаменитого отечественного художника и общественного деятеля И.Э.Грабаря) по мотивам и на основе личных впечатлений довоенного и военного времени. Используя вымышленного персонажа О.И.Грабарь рассказывает о непростых социальных процессах военного и послевоенного времени. Книга – интереснейший документ эпохи!

Содержание

Старый стол	5
Отец	8
Как я сделался военным	17
Однополчане	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

О. И. Грабарь

Хранитель тайн

© Грабарь О. И., текст, 2013.

© ООО “КМК”, 2013.

*** * ***

Старый стол

Дописав последнюю страницу, Андрей Платонович Горелов отодвинул в сторону стопку бумаги и встал из-за стола.

Письменный стол был добротный, дубовый, на резных ножках, с выдвижными ящиками. Лет двести ему, поди. Такой еще столько же простоит, а то и больше, даже зеленое сукно сохранилось.

За этим столом когда-то дед-фабрикант купчие подписывал и отец-языковед трудился.

Горелов любит работать за письменным столом.

Пишущую машинку и прочую технику он держит в другой комнате, но делать черновые наброски и отшлифовывать фразы предпочитает сидя за столом. А как приятно размышлять, время от времени поглядывая на разные мелкие предметы и сувениры прошлых лет.

Много тайн и интересных историй хранит старый письменный стол. Тут и фамильные фотографии: мужчины с усами и аккуратно подстриженными бородками в закрытых сюртуках и белых стоячих воротничках, и дамы в огромных шляпах с перьями. Более поздние и менее торжественные снимки: отец и мать в Крыму с маленьким Андрюшей. Школьные годы, знакомые разных лет. Война, боевые друзья, поездки за границу. Многих давно уже нет в живых.

Все фотографии разложены по конвертам. Горелов нико-

гда не любил семейные альбомы.

В верхнем правом ящике под конвертами лежит пачка писем от гимназической подруги матери Аделины Паппе. В них бесхитростная история ее первой любви к молодому поручику Добровольскому, погибшему в 1916 году под Верденом. Письма перевязаны голубой ленточкой, пожелтевшей от времени. Горелов не отличается сентиментальностью и обычно выбрасывает из стола все лишнее, но почему-то на эти, никому не нужные письма рука у него не поднимается. Так и переключиваются они вместе со столом при каждом его перемещении.

Отдельной фотографии поручика не сохранилось. На групповом снимке новобранцев он, вытянувшись в струнку, стоит рядом с маминым кузенком, Кокой Альтуховым, расстрелянным большевиками во время красного террора. «Повезло поручику!» – не раз ловил себя Горелов на невеселой мысли. Впрочем, развивать подобные темы ему не свойственно.

Взгляд Горелова скользит по столу, задерживаясь на отдельных предметах.

Вот резная металлическая коробочка с крышечкой, выполненная в виде старинного фолианта. Отец привез ее когда-то из Англии. На крышке выгравирована надпись: «Запатентовано Леонардтом и Ко, Бирмингем». В таких коробочках продавали в то время перья для прививки оспы.

Еще один сувенир прошлого века – на этот раз бразиль-

ский – маленькая, изящная пепельница с узором из крыльев бабочек.

А вот сувенир позднего, уже послевоенного времени: металлический стержень с расширяющимся концом и небольшим углублением в нем. Его привез из Северной Кореи знакомый переводчик.

– Что это? – любопытствовал Горелов.

– Ложка, – ответил переводчик.

– Но ведь ею же ничего нельзя зачерпнуть!

– Когда им есть, что есть, они едят такими ложками, – веско пояснил переводчик.

Рядом с ложкой на столе лежит красивый камушек – память о посещении Гореловым знаменитого Лох-Несского озера в Шотландии, где, по поверьям, обитает чудовище. Как все просвещенные люди, Горелов не верит в чудеса, но камушек с озера все-таки на счастье прихватил.

Отец

На письменном столе у Горелова среди прочих, милых его сердцу предметов, неизменно красуется рамочка с забавной виньеткой в стиле арнуво, куда вставлена фотография только что поженившихся в четырнадцатом году родителей – любительский снимок на скамейке в Адлере: молодой супруг с модной тростью в руке и юная выпускница гимназии, вспорхнувшая на спинку скамьи.

Начавшаяся война помешала молодым совершить свадебное путешествие за границу. Платон Ермолаевич Горелов преподавал в то время словесность в гимназии, и война прошла от него стороной. Как-то так случилось и в дальнейшей жизни Платона Ермолаевича, что катаклизмы, сотрясавшие общество, его миновали. Во время Отечественной войны он был уже маститым профессором и вместе с академическим Институтом филологии благополучно отбыл в места, далекие от боевых действий. Его единственный сын Андрей, ушедший на фронт добровольцем, вернулся домой живым.

Когда в пятидесятом году на языковедов обрушилась кампания против лингвистической теории Марра, которому вменяли в вину извращение и вульгаризацию марксизма, Платон Ермолаевич трудился над большим словарем устойчивых оборотов речи в русском языке, что позволило ему миновать опасные рифы кампании и избежать ее неприят-

ных последствий.

В повседневной жизни Платону Ермолаевичу также была свойственна отстраненность от людей и событий. Обычно он высказывал свои суждения в мягкой, полувопросительной манере, не пытаясь склонить на свою сторону собеседника, и производил впечатление внутренне не уверенного в себе человека. В действительности же Платон Ермолаевич придерживался твердых убеждений и правил, от которых никогда не отступал. Он всю жизнь занимался любимым делом и преуспел на этом пути. Его труды в области русской лексики были общепризнанны, научная репутация безупречна. Он мог бы достигнуть еще больших высот, например стать академиком, но был лишен честолюбия и старался держаться подальше от всякой публичности.

В семейной жизни Платон Ермолаевич также избегал внешних проявлений чувств – уменьшительно-ласкательных прозвищ или неожиданных возгласов, понятных лишь самым близким людям. Жену, Наталью Сергеевну, или Талю, он искренне любил, но если и отдавал должное ее достоинствам, то делал это в весьма своеобразной форме.

– Знаешь, Андрюша, – заметил он как-то раз, – современные барышни так и пышут здоровьем. Запросто могут тебя веслом огреть, и увернуться не успеешь. А вот Таля всегда была воздушная, и походка у нее – летящая...

Горелов не мог не согласиться с отцом. К своему огорчению, он не ощущал внутренней близости с матерью. При ма-

лейшем поползновении с его стороны поверить ей что-либо сокровенное, она ускользала от сближения. Позднее, начитавшись умных книг, Горелов пришел к заключению об эмоциональном несовпадении их темпераментов и прекратил свои попытки.

Отца он понимал лучше, считая, что тот способен на глубокие чувства, но сознательно ограничивает себя в этой сфере. «Так ему удобнее предаваться любимому занятию и не отвлекаться на пустяки», – рассудил Горелов. Не испытывая на себе родительского давления, он рано научился принимать решения, не полагаясь на помощь взрослых. Тем не менее, он охотно прислушивался к мнению отца, которое тот высказывал в своей обычной ненавязчивой манере, предоставляя сыну самому делать окончательный вывод.

Горелову легко давались иностранные языки. По-немецки он начал свободно говорить еще в раннем детстве, посещая частную дошкольную группу. В школе переключился на французский.

Когда в сороковом году Горелов окончил школу, он объявил, что будет поступать в Институт иностранных языков.

– Прекрасная мысль, – сказал Платон Ермолаевич. – И самый легкий путь, какой только можно себе представить. Будешь повторять то, чему ты давно уже научился.

Горелова задела эти слова. Ни слова не говоря домашним, он подал документы в Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ), образовавшийся в свое вре-

мя на базе филологического факультета МГУ, и, сдав экзамены, поступил на отделение немецкого языка и литературы.

– Значит, ты так решил? – спросил Платон Ермолаевич словно невзначай. И, не дожидаясь ответа, добавил: – Ну что ж, одним лингвистом в семье станет больше.

Но судьба распорядилась иначе. В сорок первом году началась война, и Горелов ушел на фронт переводчиком немецкого языка. Вернувшись домой, он не стал восстанавливаться в МИФЛИ. Тяга к живому разговорному языку пересилила, и он решил продолжить образование на переводческом факультете Института иностранных языков.

– Я полагаю, ты поступил правильно, – заметил Платон Ермолаевич. – Теперь сможешь освоить и английский язык. За ним будущее.

Горелов с блеском окончил институт, получив специальность синхронного переводчика по двум языкам – немецкому и английскому. Он мог бы продолжить обучение в аспирантуре, но предпочел живую работу – сопровождение выезжающих за границу специалистов и туристов. Это позволило ему побывать во многих странах, что было в то время совсем не просто, и значительно расширить свой кругозор. В одной из поездок Горелов познакомился с миловидной москвичкой Аней и, вернувшись, решил начать самостоятельную жизнь.

– Я, наверное, перееду жить к Ане, – сказал он родителям.

– Вполне разумное решение, – поддержал его Платон Ермолаевич, и на этом разговор закончился.

Платону Ермолаевичу, как каждому человеку, были присущи некоторые слабости. Он любил включать в повседневную речь неожиданные словесные обороты, вроде «мозги набекрень», «рукой подать» «ума не приложу» и тому подобное, а также отдельные, вышедшие из употребления словечки: давеча, намедни, запомятовал, помилуйте. Не отказывал себе в удовольствии и порассуждать о происхождении слов, что неизменно вызывало улыбки домашних.

Классиков литературы в разговоре называл только по имени-отчеству: Александр Сергеевич, Николай Васильевич, Антон Павлович. Достоевского не любил за «чудовищное», как он выражался, «надругательство над русским языком». Толстых признавал лишь двух: Льва Николаевича и Алексея Константиновича. Из прозаиков двадцатого века выделял Бунина и Набокова.

Когда Платона Ермолаевича спрашивали, не назвал ли он сына в честь писателя Андрея Платонова, шутливо отмахивался:

– Помилуйте, что вы! Мне всегда нравилось имя Андрей, а Платонов вовсе не принадлежит к числу моих любимых писателей, хотя я ценю его раннюю прозу.

Дальше этого разговоры обычно не шли.

В семье царили мир и благоденствие.

Обычно Горелов предупреждал отца, если собирался его навестить. Платон Ермолаевич не любил неожиданных визитов. А тут случилась отложенная было командировка, и Горелов, вернувшись, решил: дай, зайду!

Выйдя из лифта, он обнаружил, что дверь в квартиру не заперта, а лишь притворена неплотно. Почему-то он сразу почувствовал недоброе. Отец стоял в передней, небрежно одетый, без очков, и, казалось, не видел ничего вокруг.

– Где мама? – не здороваясь, крикнул Горелов.

– Мамы больше нет, она улетела, – тихо ответил отец и добавил: – Талю увезли.

Все знали, что у матери слабое сердце, но ничто, казалось, не предвещало...

Платон Ермолаевич подался вперед, у него задрожали плечи. Горелов ни разу в жизни не видел отца плачущим и растерялся.

– Держись, папа, мы будем вместе, я тебя не оставлю, – забормотал он торопливо и тут же осекся. – Боже мой, что за несусветную чушь я несу!

– И то правда, Андрюша. «Чушь несусветная» – какой интересный фразеологический оборот! Между прочим, ты знаешь, что Даль производит слово «чушь» от «чужой»? А еще бывает «чушь собачья»!

Горелов взглянул на отца и тот слабо улыбнулся. «Справится, – подумал Горелов. – Лингвистика – надежная опора».

– Папа, хочешь, я на время перееду к тебе? – предложил он.

– Не выдумывай, Андрюша. Молодая жена не должна оставаться дома одна. И. потом мне тоже необходимо личное пространство.

* * *

Прошло некоторое время, и однажды, придя к отцу, Горелов обнаружил в доме женщину неопределенного возраста, которую принял за приходящую уборщицу.

– Это Капитолина Ивановна, а, проще говоря, тетя Капа из Подольска, мамина дальняя родственница, – сказал отец. – Помнишь, она к нам приезжала, когда ты был маленький, и привозила пироги с брусникой.

Горелов ни за что не узнал бы тетю Капу, но ему запомнилось великое множество узелков разного размера, неизменно сопровождавшее каждый ее приезд.

– Какой большой вырос! – воскликнула тетя Капа и улыбнулась, обнажив металлическую зубную коронку в правом углу рта. У нее было простое круглое лицо с зачесанными назад волосами и добрая улыбка.

Тетя Капа любила чистоту, и с ее появлением в квартире

стало постоянно пахнуть кипяченым бельем и простым мылом.

Как-то раз Платон Ермолаевич, неловко откашлявшись, произнес:

– Андрюша, мы с тетей Капой... Ну, понимаешь, ей неудобно здесь просто так находиться. Одним словом, мне пришлось ее у себя прописать.

– Поздравляю, папа!

– Ты ничего такого не думай...

– Я и не думаю, это твоя жизнь, папа.

От внимания Горелова не ускользнуло, что вещи тети Капы давно уже водворились в спальне.

Прошло еще некоторое время, и отца не стало.

«Теперь она здесь полновластная хозяйка», – с досадой думал Горелов. Он с тоской глядел на длинные ряды книжных полок, старинную люстру и письменный стол.

Вскоре раздался телефонный звонок, и Горелов услышал голос тети Капы.

– Андрюша, ты не мог бы зайти в воскресенье? – спросила она.

Горелову очень не хотелось идти, но он не нашел в себе сил отказать.

Дверь в квартиру была приоткрыта, и в передней на стуле сидела тетя Капа в окружении множества узелков. На голове у нее был повязан платок, в руках она держала дорожную сумку.

– Вы куда-то собрались? – спросил Горелов, чтобы что-нибудь сказать.

– В Подольск.

– Временно? – не удержался Горелов. Ему потом долго еще было стыдно за этот возглас.

Тетя Капа внимательно на него посмотрела.

– Нет, Андрюша, насовсем. Мне тут больше делать нечего. А в Подольске какой-никакой сад, огород, куры. Племянник из армии вернулся. Вот ключи от квартиры, возьми.

Горелов не нашелся, что на это ответить.

– Может быть, вызвать такси? – спросил он.

– Не нужно, сейчас племянник на «Ниве» подъедет, все заберет. Присядь, Андрюша, давай помолчим на дорожку.

* * *

Тетя Капа с племянником давно уехали, а Горелов все еще стоял с ключами от квартиры в руках. Он чувствовал, что сказал или сделал что-то не так, но не мог до конца понять, что именно. Мысли его, как обычно в таких случаях, обратились к войне. Почему-то именно в событиях тех лет Горелов находил для себя ответы на многие вопросы. Тогда все казалось простым и ясным.

Как я сделался военным

До войны Горелов понятия не имел о том, что такое армия. После школы сразу же поступил в институт и ушел на фронт добровольцем с третьего курса.

Было это в сорок третьем году в Свердловске, где институт в то время находился в эвакуации. Там как раз укомплектовывалась 70-я армия, которую предполагалось бросить на Центральный фронт. Армия только что прибыла с Дальнего Востока, и в соединениях не было переводчиков. А Горелов знал немецкий язык с детства. И вот, не имея законченного ни гражданского, ни военного образования, он, минуя военкомат, угодил прямо на войну, получив назначение на должность переводчика стрелкового полка. В Свердловске он едва успел впрыгнуть в состав, отправлявшийся на фронт.

По прибытии в штаб армии Горелову выдали обмундирование: гимнастерку, галифе, пилотку, обмотки и башмаки.

– Что делать с паспортом? – спросил он у армейского писаря.

– Разберетесь в полку, – коротко бросил тот.

Но полковой писарь только руками развел.

– Указаний на этот счет не имеем, – сказал он. – Наше дело – выдать удостоверение.

Так Горелов пронес свой гражданский паспорт через всю войну, а когда демобилизовался, получил новый. «Почему я

вовремя не избавился от старого? – не раз укорял себя Горелов, но выбросить его не решался. – Если найдут, с нашими порядками еще шпионаж пришьют, – рассуждал он. – Засуну-ка я его куда-нибудь подальше».

И лежат с тех пор у Горелова в письменном столе два паспорта.

* * *

Смешная история вышла у Горелова с погонями. Поскольку он попал на фронт, минуя военкомат, воинского звания ему, естественно, никто присвоить не успел. Окажись он в пехоте – стал бы рядовым. Другое дело переводчик. Согласно уставу, полковой переводчик – должность лейтенантская, но офицерское звание командир полка присваивать не имеет права. Как быть? Поразмыслив, постановили: пусть переводчик носит пока офицерские погоны без звездочек, а там видно будет.

Первое время Горелов чувствовал себя как-то неловко в таких погонах, но вскоре заметил, что они вызывают даже некоторое уважение: а вдруг он какой-нибудь закамуфлированный разведчик?

Позднее, когда его перевели из полка в стрелковый корпус, Горелов извлек определенную пользу из этого обстоятельства. Он сумел уклониться от строевых занятий для рядовых как занимающий в корпусе капитанскую должность, а

занятия для офицерского состава не посещал, поскольку, не имея вообще никакого звания, числился рядовым.

И еще много всего удивительного постиг Горелов в армии. Взять хотя бы солдат на войне. Как по-разному вели они себя в одних и тех же условиях. Позади марш-бросок, люди устали до одури. Растянуться бы на земле и ни о чем не думать. Но не все! Глядишь, кто-то на ровном месте дровишек раздобыл, у него уже огонек полыхает и в котелке что-то булькает. Горелов стал замечать: у такого и подворотничок пришит, и закурить всегда найдется.

Сначала Горелова настораживали разговоры разведчиков, казавшиеся ему крамольными.

– Чего разделся? Сейчас немцы засекут, а потом «Юнкерса» прилетят – одна пыль от нас останется!

Или:

– Вон «месерок» полетел – лучший истребитель в мире!

– Фриц грамотно воюет – в шесть рядов проволокой обмотался.

Со временем Горелов понял: не отдавая должное противнику, нельзя его одолеть.

Уважение было обоюдным. В дневнике одного немецкого солдата, убитого во время боев на Курской дуге, он нашел такие строчки: «Отступаем под обстрелом тяжелой артиллерий и бомбардировщиков. Противник безукоризненно ведет войну, господствует на земле и в воздухе и численно нас превосходит».

Горелов заметил, что чем ближе к передовой, тем быстрее принимаются решения. Если в штабе полка на обдумывание операции требуются часы, то при захвате языка исход дела решают минуты, ну а во время обстрела и секунды хватает, чтобы увернуться от осколка.

К большим начальникам в разведзвезде относились иронически.

– Тут к нам в полк один генерал приезжал, из тех, что воюют по глобусу, инспектировал боевые порядки. Протащить бы его разок по местности – забудет, как проверять!

Постепенно Горелов стал хорошо обстрелянным солдатом, постигшим основные армейские правила: не перечить начальству, не задавать вопросов, ничему не удивляться.

И еще он твердо усвоил: никогда не следует лезть на рожон.

Ему вспомнился такой случай.

После череды безрезультатных попыток разведчикам наконец улыбнулась удача, и был захвачен долгожданный «язык». Героем операции оказался сержант Фадин, благодаря личной храбрости которого поисковой группе удалось избежать потерь. Фадина тут же представили к награждению орденом «Боевого красного знамени».

Неожиданно для Горелова он также был представлен к награде, правда, значительно более скромной – медали «За боевые заслуги». Впрочем, и эту награду Горелов счел незаслуженной. «Что я такого сделал? – рассуждал он. – Лежал

на нейтралке и ждал, пока “языка” схватят». Но возражать против награждения, естественно, не стал.

И вот Горелов отправился вместе с Фадиным в штаб армии за получением награды. Там их представили молодому генералу с золотыми погонами.

– Позвать сюда полковника! – скомандовал генерал.

– Какого, товарищ генерал-майор?

– Который быстрее бежит! И пусть фотографа прихватит.

Последовала церемония награждения, после чего Горелова и Фадина сфотографировали для армейской газеты. На снимке они получились пучеглазыми и слегка оторопевшими, зато награды вышли на славу.

К сожалению, сержант Фадин недолго носил свой орден. Его обуяла гордыня, и он стал напрашиваться в очередной поиск.

– Ты не рвись, парень, дождись своей очереди, – увещевали его «старички». – Скоро наступление, глядишь, и за языком ходить не потребуется.

Куда там! Фадин решил, что он неуязвим. Ну, и получил пулю в живот. Так и остался лежать на нейтралке, даже унести не успели.

* * *

Почему-то во время обстрела больше всего хотелось укрыть голову. Доходило до смешного.

Один полковник рассказывал как во время обороны на Курской дуге его шофер сбился с дороги и едва не угодил в немецкий штаб. По ним шквальный огонь открыли, но, слава богу, обошлось – успели вовремя развернуться. Только когда уже до своих добрались, полковник сообразил, что все еще держится ладонью за щеку – голову прикрывает.

* * *

Службу в армии Горелов вспоминал с удовольствием, отчасти потому, что ощущал тогда полную безответственность. Тебе сказали, что нужно делать, и ты делаешь, но твой мозг никто не контролирует. Ты свободен от повседневной суеты и можешь думать, о чем пожелаешь, не ограничивая себя во времени.

Главное, не говорить лишнего и не вступать с собеседником в спор. Для поддержания разговора достаточно изредка кивать головой, сопровождая это одобрительным или, напротив, негодующим возгласом, в зависимости от хода беседы. Горелов так хорошо овладел этим приемом, что и потом, расставшись с армией, нередко к нему прибегал. Более того, он заслужил репутацию человека, умеющего слушать.

Однополчане

Горелов никогда особенно не задумывался над тем, что значит для него слово «однополчане». Ну, есть они, и есть. Раз он воевал, значит были и однополчане.

Когда закончилась война, хотелось поскорее все забыть. Каждый, как мог, налаживал свою жизнь. Потом настала пора встреч. Первое время все чувствовали себя на них неловко, присматривались друг к другу. Слишком далеко разошлись их пути. Но отчуждение быстро прошло, память о войне оказалась сильнее.

С годами кружок однополчан становился все более тесным. После официальной встречи в Парке культуры все вместе шли к кому-нибудь домой.

Среди однополчан, как и во время войны, не принято было задавать лишних вопросов: кто чем интересуется, за кого голосует на выборах, как продвигается по служебной лестнице. Но если требовалась помощь или поддержка, надежнее однополчан не было никого.

Короткий телефонный разговор:

– Иван, тут такое дело, у меня с гаражом проблемы...

– Потом объяснишь. Говори, когда и куда нужно приехать.

Понял. Полковника прихватить? С погонами или без погон? Ровно в 18.00 будем.

Однополчанин ни на секунду не задумывался, кто прав,

кто виноват. Он будет стоять за тебя горой в любом случае. Но если ты совершил подлость на войне – прощения не будет.

Горелову запомнился один такой эпизод.

В обороне на Курской дуге, где стоял полк, служили два связиста – Петька Сорокин и Лешка Катков. Связь приходилось тянуть ползком, в трудных условиях, отдельные участки местности простреливались.

Действовали по обстоятельствам: один ползет, а другой держит связь с командованием по рации. Между ребятами был негласный договор – опасный участок проходить строго по очереди. До поры до времени все так и шло. Но однажды – вот незадача! – ползти пришла очередь Лешке, но у Петьки села рация. Как быть?

– Лешка, одолжи свою, – предлагает Петька.

– Мы так не договаривались, – заявляет Лешка. – Раз у тебя рация села, будешь тянуть связь.

– Сукин ты сын, – отвечает Петька, но деваться ему некуда. Пришлось ползти.

Ну и что? Получил тяжелое осколочное ранение в бедро и инвалидность на всю жизнь. Спасибо, ногу не отрезали. А Лешку судьба хранила – так и провоевал без единой царапины. Только на войне ничего не скроешь, и в полку все стало известно. Лешка потом долго оправдывался, говорил, что, мол, для общего дела старался. Но почему-то на встречи однополчан его не зовут. Такое вот наказание.



Как-то раз Горелов увидел на встрече незнакомого человека с крупным, выразительным лицом. Несмотря на мужественный облик, в его взгляде сквозила усталость.

Оказалось, что человек этот – бывший дивизионный хирург, попавший в свое время в неприятную историю. У него в медсанбате была зазноба, которую он однажды застал в постели с капитаном. Что между ними произошло, никто толком не знал, но капитан был убит, а хирург попал под трибунал и угодил в шрафбат и после тяжелого ранения был демобилизован.

Горелов заметил, что однополчане относятся к хирургу уважительно и называют его по имени-отчеству. «Сколько жизней спас!» – говорили они. Бросалась в глаза еще одна любопытная деталь. На встрече присутствовала молодая женщина, служившая секретарем в трибунале как раз в то время, когда был вынесен приговор хирургу. Казалось бы, несовместимые персонажи: с одной стороны преступник, с другой – карающий меч. Глядя на то, как мирно беседуют эти двое, Горелов в который раз подумал: «Да, мощная сцепка – однополчане!»

По окончании застолья мужчины обычно дружно направлялись на лестничную площадку. Это называлось «пойти покурить». На самом деле многие давно уже бросили курить, другие и вовсе не начинали, но всем хотелось выйти из-за стола и расправить плечи. Столпившись у мусоропровода, однополчане могли без помех и от души, с матерком поболтать о чем угодно, в сотый раз слушая одни и те же истории.

– Андрюха, расскажи, как двое связь тянули, – начинает ветеран Леша.

– Когда?

– Ну, когда у одного полголова на хрен снесло!

– Скажешь тоже, полголова. Его только слегка царапнуло.

Как же он без головы тянуть бы стал?

– Ну, если царапнуло, то и слушать неинтересно. Меня вон сколько раз царапало, я же тянул!

– Не про тебя речь, мать твою, дело в увязке слов!

– Мне ведь что обидно, – встречается ветеран Паша. – Когда Петренко убило, я его автомат новенький хотел себе забрать, а мне трое суток. Ведь автомат-то ему был совсем не нужен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.